

Сергей Сергеевич Аверинцев

ЛЕКЦИЯ 10

архимандрит Владимир (Швец)

АНАЛИЗ ТРУДОВ СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА АВЕРИНЦЕВА ПО ВИЗАНТИЙСКОМУ СВЯТООТЕЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ

Примите великую тайну: на немощи — не на силе, не на бесчувственном — на муке, не на жестком — на язвимом; ...да молчит всяка плоть человека, ничто же земное да мыслит; тайна для мысли неместима.

С. С. Аверинцев

В начале необходимо отметить, что сделать в рамках небольшого доклада развернутый анализ трудов С. С. Аверинцева очень сложно, однако показать направленность его трудов возможно и даже необходимо. А интерес читателя к Аверинцеву дополнит его стремление по возможности узнать многое.

Здесь необходимо кратко изложить биографию Сергея Сергеевича. Он родился в Москве 10 декабря 1937 года в семье интеллигентов, отец — видный биолог. В 1956 году С. Аверинцев поступил на отделение классической филологии филологического факультета МГУ. С 1961 по 1964 гг. — аспирант. Затем работал литературным переводчиком и был сотрудником филологической редакции издательства «Мысль». В 1966—1969 гг. был научным сотрудником теории и истории искусств в государственном институте искусствознания. В 1969—1992 гг. — научный сотрудник ИМЛИ, с 1981 г. — зав. сектором античной и византийской литературы.

С 1969 по 1971 гг. по инициативе В. Н. Лазарева С. С. Аверинцев читал лекции на отделении искусствоведения исторического факультета МГУ по византийской эстетике, которые были прекращены руководством факультета как религиозная пропаганда.

Широкий круг научных интересов С. С. Аверинцева охватывал следующие направления:

1. Изучение литературы позднеантичного периода.

Плутарх и античная биография (работа защищена как кандидатская диссертация в 1967 г. и издана — М., 1973).

2. Анализ ранневизантийской литературы в ее связи с ближневосточной словесностью и патристической мыслью.

Поэтика ранневизантийской литературы. — М., 1977; защищена как докторская диссертация в 1980 г.

3. Изучение сирийской христианской литературы.

От берегов Босфора до берегов Евфрата. — М., 1987.

4. Проблемы истории христианской мысли (статьи в 4—5 томах философской энциклопедии).

5. Изучение немецкой «культурфилософии» (работы об О. Шпенглере, К. Г. Юнге и других авторах), русской и европейской литературы XVIII—XX веков (работы о Г. Р. Державине, В. А. Жуковском, В. И. Иванове, О. Э. Мандельштаме и других).

С. С. Аверинцеву принадлежат многочисленные переводы с древнееврейского языка (книга Иова, псалмы), с сирийского работы Ефрема Сирина, с древнегреческого — преп. Иоанна Дамаскина, Феодора Студита, а также издания:

Памятники византийской литературы IV—IX веков. — М., 1968.

Памятники византийской литературы IX—XIV веков. — М., 1969.

Памятники средневековой латинской литературы IV—IX веков. — М., 1970.

Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. — М., 1972.

Период «перестройки» и последовавшее за ним время открыли для С. С. Аверинцева возможность выступить с попыткой осмысления исторического опыта XX века, и начала перевода и толкования Нового Завета с разработкой опытов в христианской поэзии. С 1991 г. он возглавил группу по изучению христианской культуры в Институте мировой культуры при философском факультете МГУ.

Ученый до конца своей жизни продолжал свою научную деятельность. Скончался С. С. Аверинцев 21 февраля 2004 года в Вене (Австрия). Согласно завещанию, похоронен в Москве на Даниловском кладбище.

Сергей Сергеевич Аверинцев — явление не только в российской, но и в мировой культуре. Мир знал немало энциклопедистов, людей всеобъемлющей эрудиции, хотя таковыми всё труднее становиться в нашей всё более специализирующейся и технологизирующейся цивилизации. Но именно в ней нам все более не хватает харизмы философского синтеза, способного

удерживать разбегающееся в бесконечность множество фактов в единстве смысла. Таким даром обладал Аверинцев. Напоминая своими многообразными интересами гуманиста эпохи Возрождения и энциклопедиста Просвещения, Аверинцев был при этом и последовательным исповедником пост-возрожденческого, пост-просвещенского, и, можно даже сказать, пост-пост-модернистского обретения христианства.

По своей основной специализации он был византолог, но византология была для него той академической почвой, на которой вырастали и все другие его интересы: библеистика, семитология, филология, философия. При этом, как мы знаем, он был еще и поэтом, и его собственные духовные стихи выдавали в нем поэта-мистика, пронзенного личным присутствием Христа.

Советская интеллигенция столкнулась с явлением Аверинцева в 1960-х годах, когда московская интеллигенция стала собираться вначале на его лекции по истории искусства в Московском университете, а затем уже на все его лекции, на которые можно было проникнуть. Его имя приобрело широкую известность в 1970 году с выходом 5-го и последнего тома Философской энциклопедии, которая в своих предыдущих томах оставалась в пределах обычного идеологического издания. Неожиданно в последнем томе советский читатель встретился с подлинно энциклопедической информацией о христианских богословах и мистиках, русских религиозных философах, известных западных мыслителях 20 века. Подавляющее число этих новых статей, поражающих своей точностью, информативностью и широтой интеллектуального кругозора были написаны Аверинцевым. Среди этих запомнившихся статей назову лишь несколько: о Максиме Исповеднике, Фоме Кемпийском, Франциске Ассизском, о хилиазме, о Шпенглере, Юнге, Ясперсе и Бубере. В дальнейшем имя Аверинцева уже примелькалось и даже затмило остальные имена именно как имя *энциклопедиста*, причем энциклопедиста в области христианства — тогда области запретной.

При этом продолжалась его работа исследователя, историка культуры, переводчика из Библии и византийской гимнографии. В жизни и общении, крайне тихий, застенчивый, несколько запинаящийся человек.

В России византология как наука возникла и сформировалась в конце XIX — начале XX в. и сразу же завоевала передовые позиции в мировой науке. Произошло это в первую очередь потому, что изучение истории и культуры Византии связывалось с осуществлением определенных историософских надежд и было воспринято многими русскими учеными как священный долг и прямая обязанность. Именно в это время утвердилась система ценностей, согласно которой в ожесточенной полемике были выработаны два основных

подхода к византийской цивилизации: 1) критический; 2) апологетический. Первое направление было представлено прежде всего т. н. «западниками»: А. И. Герценом, П. Я. Чаадаевым, кн. И. Гагариным, В. С. Соловьевым, О. Ф. Миллером и др. Второе — т. н. «славянофилами» и, в первую очередь, А. С. Хомяковым, К. Н. Леонтьевым и видными учеными-византинистами В. Г. Васильевским, Ю. А. Кулаковским, Ф. И. Успенским, Н. А. Скабалано-вичем, С. П. Шестаковым, Е. В. Барсовым и др.

Наиболее серьезную критику т. н. «византизма» в России представил Вл. Соловьев в статье «Византизм и Россия» и объемном труде «Вселенская Церковь и Россия». «Византизм», по Вл. Соловьеву, всегда вел Россию в ложном направлении, что выражалось в отказе от идеи вселенской и современной европейской идентичности. Таким образом, Вл. Соловьев поставил важную проблему соотношения национального и вселенского в осуществлении идеи «византизма». Остальные «западники» демонстрировали гиперкритическое отношение к сущности «византизма», к самой идее византийского влияния на Русь. Объективно признавая момент мощного прессинга византийского наследия в русской культуре и истории, «византизм» (или «византинизм») часто рассматривали как «яд» для России (князь И. Гагарин), или как «злую шутку» (П. Чаадаев), или как мертвое, бесплодное (А. Герцен).

Существенным недостатком «гиперкритиков» «византизма» являлось то, что, по мнению византолога А. А. Васильева, эти безусловно талантливые и образованные люди никогда историей Византии не занимались и поэтому их отзывы не имеют никакой исторической ценности.

Второе направление, которое можно условно назвать апологетическим, было, в первую очередь, представлено учеными-византологами официальной исторической и церковно-исторической науки. Для этого направления характерен поиск истоков национального самосознания в Византии. Религиозный философ Константин Леонтьев в историософском сочинении «Византизм и славянство» (1875 г.) концептуально обосновал «византизм», подчеркивая органическую связь отошедшего византийского мира с духовной и государственной жизнью современной России. Общая идея византизма у К. Леонтьева складывалась из частных: религиозной, государственной, нравственной, философской и художественной. В религии византизм означает православие, в государственной области — самодержавие, в нравственной — «наклонность... к разочарованию во всем земном, в счастье... в способности нашей к полному нравственному совершенству». Византизм призван быть «сильнейшей антитезой идее всечеловечества в *смысле* земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства».

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. византистика быстро развивалась, исходя не только из задачи внешнего изучения предмета, но и решая задачи собственно насущных внутренних потребностей — более глубокого прояснения российских начал государственности, церковности и исторических перспектив, что позволило этой молодой науке выйти на передовые позиции в мире.

Несмотря на то, что была создана российская школа византологии, однако, по словам А. А. Васильева, в России византиноведение, став научной дисциплиной в конце XIX — начале XX в., не стало «специальной отраслью в обширном смысле этого слова». В отличие от Западной Европы, в России не было создано специальных центров, кафедр византиноведения. В лучшем случае история Византии вводилась в университетское обучение как отдельный предмет. В 1900 году в Одессе была учреждена экстраординатура по византийской филологии, византийскую историю изучали в Духовных академиях. С 1894 года стал функционировать Русский Археологический Институт в Константинополе, регулярно издавался «Византийский Временник» (под редакцией В. Г. Васильевского и В. Э. Регеля).

Бесспорно яркий эпизод в развитии византологической науки конца XIX — начала XX в. повторяется в наши дни. В настоящее время активно публикуются архивы русских византистов конца XIX — начала XX вв. В серии «Византийская библиотека» (издательство «Алетейя», г. Санкт-Петербург) издается исследовательская литература, а также наиболее важные источники. Многие удалось выпустить на постсоветском пространстве и наиболее успешную деятельность, на наш взгляд, осуществляет издательство «Дух і Літера» (г. Киев). Мировой славой овеяны имена известных российских специалистов в области византологии. Назовем некоторых из них: Г. М. Прохоров, С. С. Аверинцев, Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан, Я. Н. Любарский, И. С. Чичуров, прот. В. Асмус, И. П. Медведев, Г. Е. Лебедева, М. В. Бибииков, З. В. Удальцова, Г. Л. Курбагов, С. Б. Сорочан и др.

Работы С. С. Аверинцева по поэтике ранневизантийской литературы, сравнительному анализу византийской, ближневосточной, сирийской и русской культуры и истории стали подлинным событием, а иногда и настоящим откровением для научного сообщества последней трети XX века. С. С. Аверинцев воссоздал сложную и насыщенную картину византийского мира, использовал новаторские методологические приемы, которые позволили ему убедительно раскрыть неизвестные грани византийской эстетики и культуры.

Сергей Сергеевич призывал осторожно обращаться со смыслами и простыми понятиями эпох, чтобы не случилась невольная подмена смысла. Он предупреждал: «Как раз тогда, когда наши далекие предки вдруг по-

кажутся нам совсем близкими, нужно остерегаться обмана зрения. Как раз тогда, когда цитата многовековой давности чересчур хорошо укладывается в наши историософские рассуждения, благоразумно переспросить себя: а что, если мы незаметно для себя подменили ее смысл?

С. С. Аверинцев актуализировал и заново осмыслил идею «византизма» в современной науке и культуре. Сергей Сергеевич привнес вселенский масштаб в содержание этой идеи, соединил византизм с европейской идентичностью, показав зыбкость границы между Востоком и Западом. С другой стороны, С. С. Аверинцев не упрощал картину исторических взаимовлияний, диалога культур в рамках т. н. «содружества византийских наций», высказываясь иногда в разрез существующей традиции, определяя, например, Византию и Русь как два типа духовности.

Но главное, на наш взгляд, заключается в том, что С. С. Аверинцев соотнос глобализационное сознание с человеческим измерением в понимании значения средиземноморской цивилизации, благодаря чему Средиземное море остается, как и в древности, «нашим» морем. В Бари в 1980 году Сергей Сергеевич писал:

В час роковой — не в последний ли час?
Слышишь? — пока еще свет не угас,
Русского сердца печаль утоли,
Срединное море всея земли....

Заключение

Сергей Сергеевич Аверинцев — филолог-историк двух литератур, христианской и европейской культуры, переводчик философских и поэтических текстов. Они включают работы по истории античной, византийской, европейской и русской культур, по истории богословия и философской мысли; более 100 переводов с древнегреческого, латинского, древнееврейского, сирийского, немецкого, французского, польского языков, не считая его книг.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II назвал его «Человеком, вся жизнь которого была просвещена верой Христовой». Митрополит Илларион (Алфеев) говорил о времени, в котором работал Сергей Сергеевич, в котором признание себя христианином означало бросить вызов обществу, риск своим положением, карьерой, и даже жизнью. В те годы мало кто осмеливался говорить о вере и Церкви на языке, доступном интеллигенции. Во времена безбожия, среди серости и лжи 1960—80-х гг. Сергей Сергеевич писал и говорил с необычайной смелостью, как бы не

замечая давящей «идеологической машины». Чудом выходили из печати его книги, включая переводы отцов Церкви. Самым невероятным событием были его незабываемые лекции по средневековой эстетике, а, по сути, по христианской догматике, которые Аверинцев читал в МГУ. По словам слушателей, эти лекции вызвали неслыханный резонанс, подобный разве что лекциям о Богочеловечестве В. С. Соловьева, прочитанным в XIX в. Нельзя не согласиться с итальянским другом Аверинцева, Витторио Страда, что «его служение было плодом русской культуры, островками сохраненной вопреки всем невзгодам советской эпохи».

В своих переводах святоотеческих текстов Аверинцев, вступая в личный диалог с древним автором, приглашает и читателя в мир христианства. Его труды мы бы назвали Лучом Надежды, или, словами Н. Островского «Лучом света в темном царстве», в то время, когда атеизм, разрушавший Церковь, превратился в унылую, удручающую повседневность тоталитаризма.

Работы Аверинцева были мостом между гонимой Церковью и людьми, находившимися вне Церкви, но жаждавшим услышать слово о Боге. Именно из его книг многие впервые узнавали о свв. Романе Сладкопевце, Ефреме Сирине, Исааке Сирине, Иоанне Дамаскине и других отцах Церкви. Именно Аверинцев говорил о Боге, пусть прикровенно, но достаточно ясно, чтоб люди приходили ко Христу.

Он был всегда православным верующим. Как выразился Сергей Иванов, автор статьи об Аверинцеве в журнале «Итоги» № 49 / 1997; Аверинцев — один из немногих верующих интеллектуалов, «с которым атеист может разговаривать о вере, не испытывая жгучей неловкости». Аверинцев был человеком выдающейся эрудиции, энциклопедических знаний. Но не в этой эрудиции заключалась сущность его человеческого и христианского подвига. Она заключалась в том, что он, подобно свт. Григорию Богослову, собрав все интеллектуальные богатства Востока и Запада, положил их к ногам Христа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.* «Как все ценное, вера — опасна...» [Интервью Сергея Аверинцева журналисту Илье Медовому (2001)] // *Континент.* — 2004. — № 119.
2. *Аверинцев С. С.* От берегов Босфора до берегов Евфрата: литературное творчество сирийцев коптов и ромеев в I тысячелении н. э. / Пер., пред. и комм. С. С. Аверинцева. — М., 1987.
3. *Аверинцев С. С.* Были очи острее точимой косы... // *Новый мир.* — 1991. — № 1.
4. *Аверинцев С. С.* Византия и Русь. Статья вторая // *Новый мир.* — 1988. — № 9.

5. *Аверинцев С. С.* Да оградит нас Бог от призраков // Литературная газета. 25.09. 1991.
6. *Аверинцев С. С.* Деякі проблеми успадкування культурного та віровчительного передання в сучасних умовах // Дух і Літера. — 2003. — № 11—12.
7. *Аверинцев С. С.* Литературные теории и составе средневекового типа культуры // Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. — М., 1986.
8. *Аверинцев С. С.* Многоценная жемчужина. — К., 2003.
9. *Аверинцев С. С.* Надежды и тревоги // Наше наследие, 1988.
10. *Аверинцев С. С.* Патристика // Философский энциклопедический словарь. — М., 1989.
11. *Аверинцев С. С.* Патристика: неповторимость опыта и общезначимость примера // Синописис. — 2001. — № 4—5.
12. *Аверинцев С. С.* Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (Общие замечания).
13. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. — М., 1997.
14. *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М., 1996.
15. *Аверинцев С. С.* София—Логос. Словарь. — К., 2000.
16. *Аверинцев С. С.* Стихи духовные. — К., 2001.
17. *Аверинцев С. С.* Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
18. *Аверинцев С. С.* Философия VIII—XII вв. // Культура Византии второй половины VII—XII вв. — М., 1984.
19. *Аверинцев С. С.* Эволюция философской мысли // Культура Византии IV — первой половины VII в. — М., 1984.
20. *Александр (Семенов-Тянь-Шанский), еп.* Православный катихизис. — К., 2003.
21. *Алптий (Кастальский-Бороздин), архим., Исайя (Белов), архим.* Догматическое богословие. Св. Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
22. *Васильев А. А.* История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.). — СПб., 1998.
23. *Гагарин И.* О примирении Русской Церкви с Римскою / Пер. И. Мартынова, священников Братства Иисусова. — Париж, 1858.
24. *Гаспаров М.* 3 розмов із С. Аверинцевим // Дух і Літера. — 2003. — № 11—12.
25. *Герцен А. И.* Былое и думы // Собрание сочинений: в 8 т. — М., 1975.
26. *Гофман А. Б.* Традиция // Большая советская энциклопедия. — М., 1977.
27. *Ианнуарий (Ивлиев), архим.* «Тайна и откровение». Катехизис. — К., 1991.
28. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Приношение современному монашеству. — СПб., 1905.
29. *Леонтьев К. Н.* Собрание сочинений: в 9 т. — М., 1912—1914.
30. *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. — М., 1993.
31. *Лосский В.* Предание и предания // Журнал Московской Патриархии. — 1970. — № 4.
32. Многоценная жемчужина: Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелении / Пер. с сирийского и греч. яз. С. С. Аверинцева. — К., 2003.

33. Наше положение: Образ настоящего / Под ред. О. А. Седаковой, В. В. Библихина, А. И. Шмаина-Великанова, А. В. Ахутина и др. — М., 2000.
34. Пути просвещения и свидетели правды. — К., 2004.
35. *Седакова О.* Міркування про метод // Дух і літера. — 2003. — № 11—12.
36. Творения иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сириянина. Слова подвижнические. — Сергиев Посад, 1893.
37. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. — СПб., 1897.
38. *Феофан Затворник, еп.* Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. — М., 1890.
39. *Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. — М., 1991.